

ИСТОРИЯ

М.В. НОВИКОВ, Т.Б. ПЕРФИЛОВА

В.П. Бузескул: принципы исторического исследования

Рассматриваются принципы, которых придерживался В.П. Бузескул в процессе изучения античной истории: изучение проблемы, представляющей интерес для науки и соответствующей запросам общества, следование принципу научной добросовестности в осмыслении и интерпретации всего массива доступных источников, использование научно обоснованных и общепризнанных методов работы с историческим и историографическим материалом, взвешенный подход к выбору методологического фундамента работы, служение исторической истине.

Principles are regarded to which V.P. Buzeskul adhered to during the process of studying Antique History: studying of the problem which is interesting to the science and corresponding to the needs of a society, following to a principle of scientific conscientiousness in understanding and interpretation of all data file of available sources, use of scientifically proved and conventional methods of work with the historical and historiographic material, the deliberate approach to a choice of the methodological base of work, service to the historical truth.

В 2007 году нами была опубликована серия статей, посвященная творческому наследию Р.Ю. Виппера, его вкладу в развитие методологии истории, теории исторического познания и дидактики истории [1]. Современником Р.Ю. Виппера был другой талантливый российский историк античности профессор Императорского Харьковского университета Владислав Петрович Бузескул (1858-1931) [2]. Рецензенты заслуженно ставят его в «первые ряды русских историков», называют «ведущим эллинистом», крупнейшим авторитетом в источниковедении и историографии античности, создавшим труды, «до сих пор сохраняющие свое значение» [3]. В отличие от Р.Ю. Виппера, В.П. Бузескул значительно меньше внимания уделял проблемам философии истории. Он был историком-тружеником, разгребавшим груды не вошедшего ещё широко в научный оборот исторического материала, заботившимся об исторической правде и достоверности воссоздаваемого учёными исторического прошлого. Превыше всего он ценил добросовестное отношение к источникам – фальсификация и намеренное сокрытие или искажение информации, содержащейся в них, вызывали в нём, корректном и лояльном человеке, праведный гнев. Относясь к свидетельствам прошлого почти как к святыням, он стремился, тем не менее, понять специфику историописания, в чём преимущественно, на наш взгляд, и проявился его вклад в отечественную методологию истории.

В.П. Бузескул создал около двухсот сочинений, которые объединяет некое «фа-

мильное» сходство: авторская манера обстоятельности, фундированности, глубокого разностороннего анализа. Она могла быть следствием как добротного образования, полученного им в Харьковском университете, так и неустанной работы по самообразованию, совершенствованию полученных в процессе учёбы исследовательских навыков. Десятилетия насыщенной творческой деятельности, не прекращавшейся в годы революций и Гражданской войны, дали В.П. Бузескулу возможность сформулировать представления о характере и предназначении исследовательского труда историка, о научно обоснованных правилах создания таких трудов, которые не проходят бесследно, но работают на будущее науки, создавая прочный фундамент для изысканий новых поколений историков.

В своих собственных сочинениях В.П. Бузескул всегда опирался на признанные им верными выводы коллег. Он не скрывал заимствований, цитируя или пересказывая отдельные положения зарубежных историков. Если его мнение вступало в противоречие с их точками зрения, он приступал к подробным разборам источников, с тем чтобы найти истину, обосновать правильность своей позиции. Тем не менее, он не стремился принизить значение открытий предшественников, отдавая им дань должного уважения и всегда делая скидку на время создания исследований, которое порождало тематику, формировало суждения, определяло «настроение» при изучении и интерпретации фактов [4].

В. П. Бузескул пришел к выводу, что воззрения на предназначение исследований по древнегреческой истории эволюционируют по мере изменения состояния современного общества, его строя, «умственных течений» [5]. «В наш демократический век, – отмечал он, – историческая наука... умалчивает значение отдельной личности... и на первый план выдвигает массу, общество» [6]. Кроме того, в «век капитализма... могущества денег, развития торговли и промышленности... отношения социально-экономические стоят на первом плане» [7].

Конкретизируя мысль о влиянии исторического контекста на выдвижение первоочередных по значению тем и методологию их рассмотрения, В. П. Бузескул показывает, каким образом внутри- и внешнеполитическая ситуация в Европе влияла на формирование мировоззрения историков, определяла наиболее предпочтительные для них темы исследований.

В первой трети XIX в. зарубежная историография «ограничивалась историей внешней, военной и дипломатической» [8]; позже интерес «сосредоточивался преимущественно на истории государства, государственных учреждений, политических партий и их борьбы и отчасти на истории культуры» [9]. Интерес к этим проблемам жизни Эллады был обусловлен влиянием Французской революции, владычеством Наполеона, разгромом и последующим возрождением Германии, пробуждением национального и политического самосознания европейских наций, у элиты которых возник интерес не только к рассмотрению эстетики древних народов, и греков в том числе, но и к другим сторонам их жизни – политике, внутреннему государственному и экономическому строю [10]. К примеру, знаменитый английский историк Г. Грот, первым в Великобритании XIX в. приступивший к созданию общей «Истории Греции», заинтересовался прошлым Эллады не случайно. «Дело в том, – поясняет свою мысль В. П. Бузескул, – что многие черты и явления в исторической жизни древних греков – политическая свобода и самоуправление, такие учреждения, как народное собрание и суд присяжных, развитие политического и судебного красноречия, мореходства и торговли, многочисленные колонии, – всё это делало их историю особенно близкой, инте-

ресной и понятной именно для англичан» [11].

Ярко выраженная привязанность к общественно-политической среде, питающей своими идеями творчество историков, отмечается В. П. Бузескулом и в отношении представителей немецкой историографии второй половины XIX в., которые откровенно стали проповедовать культ грубой силы, «открытое до цинизма попирающее права, презрение к слабому» [12]. В. П. Бузескул видит в этих явлениях немецкой исторической науки дальнейшую демонстрацию роста немецкого национализма в связи с победой во франко-прусской войне.

Одним из наиболее ярких последователей пруссофильства и поклонником грубой силы В. П. Бузескул называет Т. Моммзена, который признаёт за народом, политически более развитым, право на поглощение политически незрелых и, следовательно, духовно несовершенно развитых народов. «Для своего торжества, – излагает он концепцию Т. Моммзена, – культура требует уничтожения племён, менее способных и менее развитых, нациями, выше стоящими. У Моммзена война является великою машиною, которая вырабатывает прогресс» [13].

При характеристике историографии древнегреческой истории XIX в. В. П. Бузескул постоянно проводит мысль о том, что наука об античности с её теориями и взглядами «уклоняется то в ту, то в другую сторону: одна крайность обыкновенно вызывает другую, за одной реакцией следует другая, противоположная» [14]. Изменение общественных настроений, идеалов, интересов приводит к появлению всплеска интереса то к одной странице истории Древней Греции, то к другой; подвергаются сомнению прежние выводы, высвечиваются новые проблемы, приобретающие особую актуальность. Иллюстрируя эту мысль, В. П. Бузескул приводит слова Р. Ю. Виппера, выявившего не просто аналогии, но даже изоморфизм в трактовке событий древнегреческой и европейской истории XIX в., что, в свою очередь, могло свидетельствовать о приверженности зарубежных историков теории цикличности, согласно которой древние и новейшие народы в своём генезисе проходят одни и те же фазы развития. Р. Ю. Виппер писал: «Типичный немецкий историк эпохи, предшествующей войнам 1866–1870 годов, считал кульминационным

пунктом греческой истории Греко-персидские войны; он сравнивал их с освободительным движением своей родины против Наполеона в 1808–1814 гг.; в демократии середины V в. до Р. Х. он видел главный плод греческой национальной борьбы, потому что он признавал первой целью своего времени достижение равенства политических прав, потому что он или сам бился в 1848 г. за политическую вольность, или сочувствовал борьбе за принципы народного верховенства» [15].

В начале XX столетия историки вновь изменили позиции при освещении греческих древностей. При этом они руководствовались, с одной стороны, запросами и интересами очередного этапа развития исторической науки, с другой – вызовом времени, стремлением найти в далёком прошлом ответы на волнующие проблемы современности. Увлечение социально-экономическими факторами развития народов заставило историков приписывать их воздействию не только изменение всего хода эллинской истории, но и борьбу партий, перевороты [16]. Новый способ изучения древней истории модернизировал её, но, по мнению В. П. Бузескула, это позволяло увидеть в античности прообразы нового порядка вещей и способы воздействия на него [17].

В модернизации античности, придании проблемам её исторической эволюции современных смыслов В. П. Бузескул, сам не до конца разобравшийся в целесообразности «осовременивания» древней истории, видел стремление зарубежных историков порвать с её «безжизненностью», «чуждостью» и «бесполезностью». Приближая греческую историю к социально-политическим процессам, проходившим в Европе XIX–XX вв., учёные вдыхали новую жизнь в содержание давно минувшего прошлого, руководствуясь при этом соображениями о том, что Эллада – это «школа для целого мира, которая и через двадцать веков после своего падения не перестала просвещать нас» [18].

Итак, актуальность проблемы исследования, созвучность её тематики интеллектуальным запросам общества, его политическим настроениям и одновременно возможность удовлетворять потребностям современной науки составляют, по мнению В. П. Бузескула, главное условие, необходимое для обретения творения историков долгой жизни.

Большое значение В. П. Бузескул придавал *глубине содержания и тщательности произведённого расследования*. Труд историка обретёт известность, если он базируется на прочном основании всех сохранившихся до наших дней источников; если при его создании автор в совершенстве овладел всем массивом литературы, когда-либо создававшейся по интересующему его вопросу; если историк в своих суждениях будет руководствоваться беспристрастной любовью к истине [19].

В. П. Бузескул, последователь идей Л. Ранке, был уверен в том, что наивысшая цель создания исторических сочинений заключается в «представлении миру исторической правды» [20]. Достижение этой цели мыслилось Владиславу Петровичу возможным при условии привлечения учёным всего комплекса источников, известных современной ему науке. «Исходной точкой для каждого историка-исследователя, – писал он, – служит текст, всё равно – будет ли это документ или свидетельство какого-либо автора, и *первое условие* – уметь точно и правильно понимать текст, на котором основываются исторические построения и выводы. Историк греческой древности должен обладать надлежащим знанием *античной литературы, археологии, эпиграфики*» [21]. В. П. Бузескул предлагал «сличать и комбинировать» вновь открываемый обширный материал с уже известными науке данными: свидетельствами древних авторов, надписями на папирусах – что, по его мнению, создаёт благоприятные условия для выявления «отделов и сторон» древнегреческой истории, которыми ранее пренебрегали [22]. Однако при всём ликованием от известий о новых материалах, поступивших в научный оборот, историк не должен сосредоточивать все свои усилия только на изучении новинок, так как добротное исследование предполагает использование в комплексе, в совокупности всех доступных историку свидетельств прошлого.

К примеру, В. П. Бузескул полагал, что надписи, при всём разнообразии их содержания (государственные и частные договоры, списки должностных лиц, павших в боях воинов, победителей состязаний, законы и постановления народных собраний, контракты, долговые обязательства, эпитафии и т. п.) и высокой степени достоверности приводимой информации, не могут заменить литературных источников, дающих описание явле-

ний быта, духовного мира греков, их идеалов и стремлений. Надписи лишены индивидуальности из-за шаблонности их стиля. Они передают лишь официальную версию, поэтому могут смягчать, утаивать или извращать факты [23].

Разбирая работы зарубежных и отечественных историков, В. П. Бузескул в первую очередь отмечает группы источников, привлечённых при создании сочинения (их ограниченное количество даёт ему повод для высказывания критических замечаний), затем разбирает методы и приёмы работы историка со свидетельствами прошлого, что позволяет ему определить степень новизны выводов и оригинальность суждений автора.

Исследования М. Дункера и Ф. де Куланжа дают возможность В. П. Бузескулу воздать должное зарубежным исследователям за использование разнообразных и эффективных методик изучения содержания и контекста исторических памятников, что позволяло учёным не просто извлекать интересующую их информацию из источников, но и «господствовать над материалом» [24].

К примеру, М. Дункер, автор «Истории древности» (1852–1857 гг.), заботился об установлении истинности фактов не меньше, чем о понимании их смыслов и взаимосвязи. Его повествование, представлявшее собой чередование операций анализа и синтеза, могло превращаться в «целые критические экскурсии». В. П. Бузескул выявляет такие исследовательские технологии М. Дункера, как сопоставление источников, выяснение причин искажения изначально содержавшейся в них информации, ретроспективный анализ, позволявший обнаружить «зерно былой действительности» [25]. Применение этих методов изучения исторических памятников дало возможность М. Дункеру создать талантливое сочинение, в котором с одинаковой степенью полноты и всесторонности оказались освещены история и культура Древней Греции, борьба «партий» и внешнеполитические коллизии [26]. «Особенно хороши, – по мнению В. П. Бузескула, – те страницы, где Дункер говорит о господстве аристократии... Дункер вообще старается оживить перед нами древность, перенести нас в ту отдалённую эпоху, поставить лицом к лицу с борющимися партиями и их противоположными точками зрения» [27]. Вместе с тем приёмом исторического перенесения этот немецкий историк

иногда злоупотребляет, замечает В. П. Бузескул. Подобно античным авторам, М. Дункер вкладывает в уста лидеров оппозиционных группировок соображения и доводы, соответствовавшие его собственным «взглядам, комбинациям и предположениям», что идёт вразрез с требованиями строго научного подхода и сообщает прошлому «слишком современный колорит» [28].

Знаменитый французский учёный Ф. де Куланж не увлекался, в отличие от М. Дункера, «изложением войн и политическими характеристиками» [29], а также никогда не пытался «осовременить» античность. Однако этих двух разноплановых историков, по мнению В. П. Бузескула, всё же объединяет одно немаловажное обстоятельство: мастерское владение аналитическими и интегративными методиками изучения источников.

Ф. де Куланж утверждал, что для «одного дня синтеза» требуются «целые года анализа», так как человеческое общество, которое он воспринимал в виде тела, состоявшего из многочисленных органов, дающих ему жизнь, представляет собой бесконечно сложное единство, целостность и гармонию которого можно понять лишь в ходе долгого и тщательного наблюдения за каждой его составляющей [30].

Свой метод работы с источниками он выразил в трёх правилах: 1) изучать только тексты, а не воображение или логику создавшего их историка; 2) верить исключительно содержанию текстов и не пытаться дополнить их смыслами, отражающими популярные «руководящие идеи» современной науки; 3) устранять из воссоздаваемой истории прошлого современный «колорит» [31].

В целом соглашаясь с Ф. де Куланжем и разделяя его представления о методах изучения источников, В. П. Бузескул в то же время упрекает французского учёного за игнорирование «многих текстов и свидетельств», которые тому «мешали» увидеть нерасторжимость связей между понятиями, идеями и общественным строем античных народов. Смещение исторических эпох и безразличие к специфике развития греческого и римского обществ, допускаемые Ф. де Куланжем ради доказательства своей «цельной и стройной» концепции, также воспринимаются В. П. Бузескулом как существенный методологический просчёт зарубежного коллеги, как «произвол» по отношению к научно вы-

веренным, признанным сообществом историков-профессионалов методом осуществления исторического исследования [32].

В. П. Бузескул считает недопустимыми при работе с источниками тенденциозную группировку фактов и намеренное расставление таких смысловых акцентов, которые создают однобокое, превратное восприятие исторических реалий. Порочным и уязвимым историческим методом В. П. Бузескул называет также применение современных ярлыков при оценке деятельности политиков Древней Греции, например, обвинение лидеров афинской демократии в политической близорукости и отсутствии политического чутья в восприятии ближайшего будущего их страны.

К числу ошибочных методов работы с историческими источниками В. П. Бузескул относит также:

«излишнее недоверие к исторической традиции греков» [33], «крайний... разрушительный критицизм, слишком скептическое отношение к преданию, к источникам» [34];

- произвольное обращение с сообщениями античных авторов, когда «голословно отвергаются их показания... извращается смысл их слов... делаются натяжки, не всегда обращается внимание на разницу в достоверности известий...» [35];
- увлечение творческой фантазией при малочисленности источников, скудости и «сбивчивости» приводимой в них информации [36];
- дополнение источников новыми смыслами, «додумывание» их содержания, навязывание им «слишком современного колорита» [37];
- пристрастное, слащавое отношение к данным исторических сочинений, приводящее к апологии политических деятелей древности, народов и государств, панегиризму и высокопарности слога [38];
- идеализацию классической древности, не стыкующуюся с надёжными свидетельствами из истории социально-экономических отношений и социально-политической жизни античных народов [39].

В. П. Бузескул, оголяя эти ошибочные, по его мнению, методы проработки и интерпретации исторических источников, стремился к созданию объективных по характеру сочинений и объективность рассматривал в качестве одного из главных достоинств исследования [40]. *Объективность в его представ-*

лении означала: доскональное знание содержания исторических памятников, правдивость сведений которых можно было выявить в ходе исторической критики, а также при сравнении с аналогичной информацией других свидетельств прошлого; избавление от тенденциозного, пристрастного отношения к изучаемым процессам и явлениям, возможное при отказе от произвольного толкования фактов и сообщений источников и, кроме того, при элиминировании зависимости от идейно-политического контекста написания исследования.

В. П. Бузескул не утруждал себя ответом на вопрос, можно ли вообще создать объективное исследование, обращаясь к субъективному творчеству писателей античной эпохи, подверженных колебаниям политических настроений, симпатий, идей и запросов их времени. Его замечания о том, что историческая среда накладывает отпечаток на выбор актуальных проблем исследования, подходов к интерпретации источников и саму результативность научной деятельности, не вылились, как у Р. Ю. Виппера, в теорию исторической импровизации, а именно признания неизбежности конструирования в сознании учёного своего образа истории из всей поглощённой им исторической и историографической информации. Похоже, что В. П. Бузескул не был знаком с рассуждениями Р. Ю. Виппера, Н. И. Кареева и других историков о невозможности получения в истории объективных, то есть единственно верных, неоспоримых, как в точных науках, выводов, пригодных на все времена и разделяемых всеми без исключения специалистами.

«Строго фактическое изложение», «детальное наблюдение за текстами» [41], привлечение историком всего свода известных науке источников и грамотные научные методы их изучения высоко оценивались В. П. Бузескулом. Наличие этих показателей специально подчёркивалось в производимых им историографических обзорах и преподносилось как основные критерии совершенства научной продукции историков – исследователей античности.

Вместе с тем «точность и основательность» при работе с источниками, хотя и воспринимались В. П. Бузескулом главным достоинством исторического сочинения, явно не ограничивались ими. Он *очень ценил эрудированность своих коллег* и предшественни-

ков, проявляющуюся через такие критерии, как «богатство и разнообразие содержания» исследования, систематичность в изложении информации, «обширное знакомство с современной автору разработкой греческой истории» [42].

Восторгаясь «Историей Греции» Г. Грота, В. П. Бузескул подчёркивал «громкую эрудицию и широкое образование» английского историка, который «был один из самых... всесторонне образованных людей своего времени. Он не замыкался в какой-то узкой специальности. Грот вращался в кругу выдающихся представителей тогдашней философии, науки и литературы...». Блестящее знание предмета исследования позволило Г. Гроту подвергнуть сомнению и последующему критическому разбору «многие... свидетельства, которым верили безусловно». Он поколебал доверие к ряду выводов, казавшихся незыблемыми, и смог определить новые направления изучения истории Эллады, высказав смелые и оригинальные выводы. Харьковский профессор не обошёл вниманием и тот факт, что при изучении истории Древней Греции наиболее рельефно проявилось прекрасное знание Г. Гротом и классики, и новейшей специальной «учёной литературы» [43].

Научная компетентность историков, достоверность сделанных ими выводов, оригинальность подходов к исследованию важных для науки проблем должны были сочетаться, по представлениям В. П. Бузескула, с яркой, эмоциональной формой изложения. Книга, написанная богатым языком, не утомляющая сугубо специальной терминологией, понятной только узкому кругу историков, сможет вызвать интерес у читающей публики, и имя автора научного сочинения, а не исторического романа приобретёт популярность среди множества образованных читателей, что имеет немаловажное значение для поднятия престижа античной науки, считал В. П. Бузескул.

Хорошее впечатление от результатов работы, добросовестно и талантливо выполненной, могут испортить, по мнению В. П. Бузескула, и другие недостатки:

- повторения и отсутствие строгой связи в повествовании [44];
- излишняя «расчленённость» материала, дробное, порционное его изложение, что приводит к утрате «цельности общего» и

создаёт впечатление чисто механически, а не логически или идейно объединённого текста;

- превращение научного стиля в риторический, высокопарный слог, пропитанный творческой фантазией автора;
- смещение акцентов с изучения истории общества и его «умственной жизни» в плоскость исключительно военно-политической истории;
- отсутствие беспристрастных оценок политических деятелей; тенденциозность суждений и выводов историка;
- односторонняя, искусственно упрощённая трактовка исторического процесса, соответствующая исключительно субъективной картине мира учёного;
- привлечение современных исследователю политических доктрин при освещении и трактовке внутривосточной истории античного общества и навязывание их идейного потенциала давно минувшим эпохам;
- искажение исторических реалий древности вследствие применения устаревших методологических конструкций, сочетающихся с готовностью историка подвести (путём подтасовки, искусственной группировки) имеющиеся факты под якобы прочное теоретическое обоснование [45].

В. П. Бузескулу сомнительными казались приёмы создания исторических исследований, когда не исторический факт определял рассуждения и выводы историков, а заменяющие потребность в верификации теоретические положения. Нередко воспринимаемые догматически, исключительно на веру, они заставляли учёного фальсифицировать имеющийся эмпирический материал.

В этой связи представляют интерес рассуждения В. П. Бузескула об ошибочности или, по крайней мере, несовершенстве гносеологических механизмов, привлечённых Ф. де Куланжем при создании им «Античной гражданской общины». Всю историю античного общества: внутренние перевороты, развитие собственности, судопроизводства, борьбу между социальными группами, международные отношения, межличностные конфликты – он выводил из единого начала – религии, признавая в ней «единственный фактор политической и социальной эволюции

древних народов» [46]. Приняв эту идею в качестве непоколебимого, универсального основания своей теории развития греков и римлян, он сделал попытку выявить связи между группами фактов, характеризовавшими мировоззрение и политический строй античных народов, а также выявить «внутреннюю необходимость» возникновения разнообразных явлений.

Отдавая должные почести сочинению знаменитого французского историка, называя его труд «шедевром исторической литературы», «классическим произведением» [47], В. П. Бузескул вместе с тем отмечал, что Ф. де Куланж допустил немало методологических ошибок: пробелов, натяжек, произвола, так как один-единственный фактор исторического генезиса, каким бы могущественным и грандиозным он ни казался, всеохватывающим быть не может и объяснить всё многообразие исторических процессов не в состоянии. В. П. Бузескул откровенно отмечал, что Ф. де Куланж «слишком уж упрощает исторический процесс... убеждённый, что нашёл ключ к объяснению всех явлений в жизни античного общества... Его картина не полна и не совсем верна; его система односторонняя и искусственная». Разъясняя свою позицию, харьковский учёный обращает внимание на волонтаризм Ф. де Куланжа, сознательно не замечавшего тех явлений и факторов, которые не подходили к его системе доказательств, он оставлял в стороне многие тексты и свидетельства, смешивал разные эпохи, отождествлял установления греков и римлян, не различал историческую действительность и философские теории. «И только такой ценной, благодаря натяжкам, [он] достигает той цельности и стройности, которой так отличается его система» [48].

Парадоксальным В. П. Бузескулу кажется также несоответствие выдвигаемых Ф. де Куланжем методологических посылов технологиям проведения исследования. Ф. де Куланж характеризовал лучших историков как добросовестных «копателей текстов» и себя причислял к разряду этих старателей. На словах он с недоверием относился к философии истории, к обобщениям и руководящим идеям, которые способны лишь отдалять историка от «правильной интерпретации» текстов. Он призывал своих последователей кропотливо изучать все стороны жизни человеческого общества, анализируя по отдельности

все органы этого сложного «тела», чтобы понять законы его гармоничного единства. Но эти призывы и посулы расходились с делом, утверждает В. П. Бузескул, потому что Ф. де Куланж «поступает как раз наоборот... противник систем и обобщений даёт своего рода образец синтеза, стройной, хотя и односторонней, системы», где немало скороспелых и предвзятых выводов, где волей историка была создана философия, подминающая под себя факты, которые приобретали в процессе такого манипулирования ими нужное историку содержание [49].

Принятая Ф. де Куланжем в качестве единственно верной теория исследования и использованные им методы работы не встречают поддержки В. П. Бузескула, так как он приветствует «более объективную и более широкую, общеисторическую точку зрения». Вообще фанатичная привязка к методологическому основанию ему нередко кажется не достоинством исторического труда, а угрозой его научности, ставящей под сомнение достоверность сделанных автором выводов.

Так, при анализе «Истории эллинизма» И. Г. Дройзена В. П. Бузескул называет среди недостатков этого труда «влияние господствовавшей тогда в Германии философии Гегеля», которая помешала немецкому учёному быть объективно сдержанным в своих оценках и, кроме того, заронила в его сознание мысль о провиденциализме, о «роковой необходимости», о непреодолимости воли судьбы – эта идея стала его «философией истории», утверждает В. П. Бузескул [50].

Когда в конце XIX в. влияние гегельянства в работах зарубежных исследователей стало почти неощутимым, одну из главных проблем при создании исторических трудов В. П. Бузескул усмотрел в отказе историков воспринимать исторический процесс как сложное, многогранное взаимодействие разнородных факторов, образующих сцепления и их комбинации. В этой связи убедительно прозвучали его сомнения в возможности превращения социально-экономической истории в особую отрасль исторического знания, а социально-экономических исследований – в ведущее направление изучения древнегреческой истории. «Социально-экономическая сторона... на которую обращается такое внимание в современной исторической науке», считал он, является важной, но далеко не единственной составляющей органически

связанных между собой других «сторон» истории, поэтому выведение всех явлений из единого начала – экономического – кажется ему непоправимой ошибкой [51].

Самым грубым искажением истории, по Бузескулу, был экономический, или исторический, материализм – направление в современной ему историографии, представители которого с удовлетворением восприняли мысли К. Маркса о господстве базиса над надстройкой, способа производства материальных благ над «социальным, политическим и духовным жизненным процессом вообще» [52].

Анализируя причины популярности социально-экономического направления, В. П. Бузескул признаёт, что оно зародилось как протест против идеалистического понимания истории. Кроме того, оно приобрело популярность в «век капитализма», когда вопросы «могущества денег, развития торговли и промышленности» стали волновать каждого мыслящего человека, стремившегося понять, как появились общественные классы, что определяет классовую борьбу, какое место в этой борьбе отведено государству. При стремительном росте интереса к истории «массы, общества» и неминуемом падении интереса к роли «великих людей» и их «деяний» победа «коллективистскому» направлению в истории была предопределена. Расширение проблематики исторических исследований за счёт изучения истории общества также повлияло на приобретение популярности «социально-исторического метода», применение которого позволило изучать проблемы эволюции быта и состояния масс, выяснять исторические условия деятельности великих личностей [53].

В своих работах В. П. Бузескул старался придерживаться «широкого общеисторического метода», уделяя внимание всем сферам жизни древних греков, хотя характер сохранившихся источников предопределял и композицию изложения отдельных сюжетов эллинской истории, и выбор в качестве приоритетного направления то социально-политической, то внешнеполитической жизни древних греков. Обращение к вопросам экономического развития греческих общин он осуществлял по необходимости, диктуемой как потребностью всестороннего освещения изучаемых проблем, так и стремлением идти в ногу с наиболее популярными зарубежными историками, научные достижения которых

подготавливали формирование новых направлений развития исторической мысли.

Изучение теоретических воззрений В. П. Бузескула оказывается возможным главным образом только при изучении его конкретно-исторических сочинений: сам он, как правило, пренебрегал изложением теорий или теоретических положений, которыми руководствовался в исследовательской деятельности.

Н.И. Кареев по этому поводу замечал, что лишь очень незначительный процент историков «может по своим склонностям, да и должен в интересах самой исторической науки, предаваться занятию философией истории: громадное большинство историков будет всегда работать в области истории одного какого-либо народа, одной эпохи, одного явления. Самые замечательные и самые влиятельные историки XIX в. были именно историками отдельных наций, отдельных периодов, отдельных событий и движений...» [54].

Н.И. Кареев также утверждал, что понимание сущности исторического процесса лежит в основе научной работы историка, хотя в преобладающем большинстве случаев, сетовал он, историки не отдают себе даже ясного отчёта в «принципах собственного своего понимания исторической жизни» [55].

Принципы историописания, которым следовал В.П. Бузескул на протяжении всей своей жизни, – изучение проблемы, представляющей интерес для науки и соответствующей запросам общества, следование принципу научной добросовестности в осмыслении и интерпретации всего массива доступных источников, использование научно обоснованных и общепризнанных методов работы с историческим и историографическим материалом, взвешенный подход к выбору методологического фундамента работы, служение исторической истине – не потеряли своей актуальности и в наши дни. Этих принципов придерживаются многие современные отечественные и зарубежные профессиональные историки.

Библиографический список

1. Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Теоретико-методологические взгляды Р.Ю. Виппера [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. – 2007. – № 2.; Р.Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научно-

- методический журнал. – 2007. – № 3; Р.Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3; Р.Ю. Виппер и конструирование «образа» античной истории в учебной литературе [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. – 2007. – № 4.
2. Подробнее о нем см.: Перфилова, Т.Б. Образ античной демократии в историографии нового времени: интерпретация В.П. Бузескула [Текст]. – Ярославль, 2007. – С. 7-41.
 3. См.: Памяти академика В. П. Бузескула [Текст] // ВДИ. – 1946. – № 4. – С. 171; Большая российская энциклопедия / под ред. Ю. С. Осипова. – М., 2006. – Т. 4. – С. 313; Там же; История Древней Греции [Текст] / под ред. В. И. Кузищина. – 3-е изд. – М., 2001. – С. 23; Советская историческая энциклопедия [Текст] / гл. ред. Е.М. Жуков. – М., 1962. – Т. 2. – С. 800.
 4. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции: лекции [Текст]. – Харьков, 1903. – С. 297, 298.
 5. Там же. – С. 459, 460.
 6. Там же. – С. 460.
 7. Там же.
 8. Там же.
 9. Там же.
 10. Там же. – С. 302.
 11. Там же.
 12. Бузескул, В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия: к происхождению современной германской идеологии [Текст]. – Пг., 1915. – С. 5, 32.
 13. Там же. – С. 33.
 14. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 297, 298.
 15. Там же. – С. 462.
 16. Там же. – С. 479.
 17. Там же. – С. 468, 471, 479.
 18. Бузескул, В. П. Античность и современность: современные темы в античной Греции [Текст]. – СПб., 1913. – С. 1, 2.
 19. Бузескул, В. П. Современная Германия... [Текст]. – С. 54.
 20. Бузескул, В. П. Античность и современность... [Текст]. – С. 122.
 21. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 513.
 22. Бузескул, В. П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие [Текст] // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1900. 21. Книга II. С. 79.
 23. Там же. – С. 62–64.
 24. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 349.
 25. Там же. – С. 346, 347.
 26. Там же. – С. 347.
 27. Там же. – С. 348.
 28. Там же.
 29. Там же. – С. 350.
 30. Там же. – С. 355-356.
 31. Там же. – С. 348, 354.
 32. Там же. – С. 353-355.
 33. Бузескул, В. П. Характерные черты научного движения... [Текст]. – С. 65.
 34. Бузескул, В. П. Введение в историю Греции... [Текст]. – С. 466.
 35. Там же. – С. 407.
 36. Там же. – С. 324.
 37. Там же. – С. 348.
 38. Там же. – С. 325, 334, 343.
 39. Там же. – С. 339.
 40. Там же. – С. 410, 419.
 41. Там же. – С. 419, 355.
 42. Там же. – С. 420, 331.
 43. Там же. – С. 331-332.
 44. Там же. – С. 486.
 45. Там же. – С. 324-326, 334-335, 353, 461.
 46. Там же. – С. 353.
 47. Там же.
 48. Там же. – С. 353-354.
 49. Там же. – С. 355.
 50. Там же. – С. 324-325.
 51. Там же. – С. 353, 461.
 52. Там же. – С. 461.
 53. Там же. – С. 460-461, 475.
 54. Кареев, Н. И. Разработка теоретических вопросов исторической науки [Текст] // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 г. – СПб., 1890. – № 1. – С. 12.
 55. Там же. – С. 13.

Д.Н. МАЛАХОВ

Совершенствование тыла Красной Армии в предвоенный период

Рассматривается деятельность руководства СССР и РККА по совершенствованию тылового обеспечения в предвоенный период. Отмечается, что тыловое обеспечение Красной армии, несмотря на предпринимаемые масштабные меры, оставалось наиболее уязвимым участком военного строительства